

ТРОИЦКИЙ ВЕЩЕСТНИК

Приходской листок

Троицкого архиерейского собора г. Сумы

№15 (от 5 октября 2014 года)

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия,
архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ**

Научитесь быть. Духовные вопросы пожилого возраста

Проблемы, с которыми человек встречается в пожилом возрасте, коренятся в его прошлом, настоящем и будущем, и мне хотелось бы сказать несколько слов о каждой из трех ситуаций.

В первую очередь, всем пожилым и стареющим людям неизбежно приходится сталкиваться с необходимостью стать перед лицом своего прошлого. Это относится к отдельным людям, это, в равной мере, относится к целым народам. Кажется, Солженицын в одной из своих книг писал, что народ, который не примирился со своим прошлым, не сможет разрешить ни одной проблемы в будущем. И на самом деле, это имеет отношение ко всем нам: пока мы отворачиваемся от нашего прошлого, закрываем на него глаза, не желаем о нем помнить, мы не способны решать проблемы ни настоящего, ни будущего.

Поэтому первое, что пожилой человек обязан сделать, это поставить перед собой задачу – не избегать своего прошлого; быть готовым, если прошлое предстанет в виде воспоминания или человека из далекого, давно забытого времени и напомнит о неразрешенной проблеме, встретить его лицом к лицу. Это может происходить по-разному, и мне хотелось бы привести два примера.

Несколько лет назад ко мне пришла одна пожилая прихожанка и сказала: «Я не знаю, что мне делать: я не могу спать по ночам, меня одолевают мысли, образы прошлого, моменты прожитой жизни. Я обратилась к врачу за помощью, он дал мне снотворное, но оно не по-

могает: то, что было воспоминаниями и мыслями, превращается в ночной кошмар, и я не могу ничего с этим поделать».

И я ей указал на то, в чем сам все больше убеждаюсь со временем: нам дается жить и проживать заново свое прошлое до тех пор, пока мы не разрешим все встающие проблемы. Пока мы не встретили ситуацию из прошлого лицом к лицу (а во время бессонницы приходит на память только неладное), пока не разрешили тот или иной вопрос, он будет настойчиво возвращаться в виде воспоминаний, ночных кошмаров или образов.

Поэтому я предложил этой женщине принять то, что прошлое ее так глубоко тревожит, как милость Божию: случись ей войти в вечность со всеми этими нерешенными проблемами, ей все равно придется их решать, но уже не тогда, когда сами обстоятельства ей помогают. Она спросила, что же делать, и я ей посоветовал, когда вспоминается какое-то событие, постараться вернуть себя в обстоятельства того времени и пережить это событие заново, но пережить на основании нового опыта, опыта долгих лет. И затем поставить перед собой вопрос: «Бог вернул меня обратно к этой ситуации. Сделала бы я сейчас то же самое, произнесла бы те же слова, что пятьдесят, семьдесят, сорок лет назад?»

И нужно ставить этот вопрос до тех пор, пока не сможешь сказать всем своим существом не только из страха, но на основании

всего жизненного опыта, всей с годами приобретенной зрелости: нет, оказавшись в прежней ситуации, я бы так уже не поступила; всем умом и всем сердцем, всей волей и плотью отрезаюсь от этого, прежняя «я» умерла.

И знаете, это сознание, это чувство, что ты умер по отношению к своему прошлому, в некотором смысле совершенно реальное. Помните, один человек пришел к священнику и сказал: «У меня такая проблема: много лет тому назад я поступил неладно в том-то и том-то. Я могу рассказать о своем грехе или проступке, но каяться я не могу, не потому, что не признаю его за грех, а потому что у меня абсолютное ясное чувство: человек, который совершил его двадцать – двадцать пять лет назад, – не я. Я уже не тот человек, тот человек умер, я могу описать его действия, но не могу от своего лица принести за них покаяние, потому что я – не он».

Именно эту мысль я пытался донести до пожилой прихожанки: нам дается жить и проживать заново, с неизбежностью возвращаться во все неладные, болезненные, уродливые ситуации нашего прошлого с тем, чтобы изнутри обретенной зрелости разрешить их, развязаться с ними, как развязывают узлы и отпускают на свободу.

Второй пример, который мне хотелось бы привести, похожий, только разрешился он иначе. Ко мне пришел человек, которому было за восемьдесят, и попросил совета. Когда ему было лет двадцать, в России шла гражданская война, и он служил офицером Белой армии. Он был влюблен в медицинскую сестру своего подразделения, она его глубоко любила, и они собирались пожениться. Все было полно надежды и радости, но однажды во время перестрелки она нечаянно высунулась, и он ее застрелил. И он никак не мог с этим примириться.

Он мне говорил: «Я убил девушку, которую любил. Я убил девушку, которая любила меня. Я оборвал жизнь, только начинающую расцветать, полную возможностей и будущего. Что мне делать?» Я спросил: «А что Вы делали до сих пор, это ведь произошло лет шестьдесят назад?» Он сказал: «Я следовал всем советам, которые мне давали. Я молился о прощении, но не находил покоя в сердце; исповедовался, плакал о том, что совершил, получал разрешительную молитву, но ничего не происходило; творил в ее память, сколько мог,

добрые дела, но опять в моем сердце ничего не менялось; причащался, делал все, что благочестивые люди, священники и друзья мне советовали».

И тогда... знаете, мне часто кажется, что моя небесная покровительница – валаамова ослица, которая проблеяла нечто полезное, когда пророк Валаам не разглядел ангела, преградившего ему дорогу. Поэтому я прислушался к своей валаамовой ослице и проблеял по ее наставлению. Вот что я сказал: «Вы молили о прощении Бога, Которого не убивали, Вы просили священника, которому не нанесли вреда, отпустить Вам грехи. А просили ли Вы Машу, которую убили, простить Вас?» «Но она мертва», – сказал он. «Да, она мертва в том смысле, что физически Ваша пуля оборвала ее жизнь. Но разве Вы не верите, что Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых?» (Мк.12:27). Он говорит: «Верю». «Значит, она жива. Поэтому после вечерних молитв сядьте в кресло и поговорите с ней. Помолитесь Богу, чтобы она смогла услышать то, что у Вас на душе. Расскажите ей о своем раскаянии, о всем том, что Вам пришлось пережить, о своей боли и отчаянии, попросите ее простить Вас и помолиться Богу, чтобы Он, если она может от всего сердца Вас простить, ниспослал бы Вам мир». И это совершилось.

Это – другой подход к решению проблемы прошлого, если мы действительно верим, что Бог есть Бог живых, и что в Нем и для Него все живы. Ситуацию не всегда возможно исправить, если переменился только ты сам, потому что в нее могут быть вовлечены другие люди. Нельзя просто сказать: «Я примирился со злом, которое причинил другим людям», но можно примириться с обстоятельствами, и к этому я еще вернусь, когда буду говорить о проблемах настоящего.

Таково наше положение по отношению к прошлому: прошлое присутствует в нас двойным образом. Это могут быть события, которые с нами произошли, повлияли на нас, но потом утратили свое значение, растворились так же, как пища, которую мы едим: из нее строится наше тело, но мы перестаем ее замечать, как только она вошла в состав нашей плоти, нашей крови, наших мышц, нашей жизни.

Но прошлое также присутствует в нас в виде неразрешенных проблем, и необходимо помнить, что Бог дает нам шанс, настойчиво

возвращая к ним в снах, в ночных кошмарах, в воспоминаниях, во встречах того или другого рода или, порой, в чтении романов, в которых мы неожиданно наталкиваемся на описание наших собственных обстоятельств и ужасаемся, что приходится пережить их заново. Мы не должны отворачиваться от прошлого, нужно взглянуть ему в лицо и поставить перед собой вопрос: «Тот ли я человек, который так поступил, или нет? Если я остался прежним, то это не прошлое, это – мое настоящее, и его необходимо изжить тем или другим образом». Вот что я хотел коротко сказать о проблеме прошлого.

Есть еще проблема настоящего. Когда старость унесет все, что составляло наши молодые и зрелые годы, перед нами встанут определенные проблемы. Но пока это не произошло, может наступить период, когда время зрелости еще не закончилось, но мы уже ощущаем, что оно постепенно отдаляется: физические силы слабеют, умственные способности уже не те... И зачастую пожилые люди отчаянно цепляются за то, что уходит, чего они не могут удержать, как бы ни старались.

Как ни напрягай физические силы, в семьдесят уже не удастся быть таким же, как в сорок или тридцать. Как ни тренируй ум, есть вещи, на которые мы способны в двадцать пять, но не способны в восемьдесят, и т.п. Что же делать? Большинство людей какое-то время пытаются раздувать угли в надежде вызвать язычок пламени, чтобы хоть на мгновение снова стать такими, какими были раньше. Я думаю, это – ошибка: чем старательнее мы раздуваем угли, тем быстрее они превращаются в пепел. Верное решение, как мне представляется, дается в дивных строчках стихотворения Виктора Гюго:

Тот возвращается к первичному истоку,
Кто в вечность устремлен от преходящих
дней.

Горит огонь в очах у молодых людей,
Но льется ровный свет из старческого ока.

Нам необходимо осознать, что есть время пламенеть, а есть время светить. Свет тихий, спокойный, ровный свет, который во тьме светит, может принести больше пользы людям, чем обжигающее пламя.

Ницше в своем единственном действительно религиозном стихотворении говорит: «Свет есть все, что я хватаю, Уголь все, что отпускаю: Пламя – пламя я и есмь!» Для старого человека опасность заключается в том, что, прикасаясь к вещам, он превращает их в пепел, потому что больше не способен поддерживать сияющее пламя. Он способен испепелять, но не питать живой огонь, который сообщил вещам. Поэтому в нас должна произойти чрезвычайно важная перемена: нам нужно научиться принимать, что мы больше не способны гореть жарким пламенем, но можем сиять тихим светом. Для окружающих мы можем служить средоточием внутреннего мира, покоя, примирения вместо того, чтобы производить зажигательную энергию, которая побуждает людей к действию, к движению. И с этим процессом каждый из нас должен смириться, потому что силой перемениться никого не заставишь, но если упорствовать и продолжать полыхать, то рано или поздно сгоришь, и тогда будет уже слишком поздно преобразовать пламя в сияние, преобразовать огонь в свет.

Митрополит Антоний Сурожский

(Начало. Продолжение – в следующем номере)

«Таинство исповеди необходимо совершать вечером во время или после вечернего богослужения. Особенно это касается воскресных и праздничных дней. Необходимо освободить литургию для полноценного участия в этом Таинстве как прихожан, так и священнослужителей. Во время литургии исповедь проводится в качестве исключения только для желающих причаститься детей, престарелых, немощных и других прихожан, по уважительной причине не бывших на вечерней службе»

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

Не отлучайте себя от Церкви!

Подходит человек на исповедь, называет свои грехи, кается. Священник читает разрешительную молитву. Многие из прихожан после этого говорят: «Благословите причаститься». Кто-то с утвердительной интонацией, кто-то – с вопросительной. А кто-то не говорит ничего. Тогда спрашиваешь сам: «Будете причащаться?» Иногда в ответ слышишь радостное: «Да, конечно!» А иногда...

А иногда – нечто из этого списка: «Нет, батюшка, я не готовился»; «Вы знаете, хотела причаститься, но не успела всё вычитать»; «Да я вчера на службе-то не была, с внуками дома сидела»; «А я ведь в прошлое воскресенье причащалась, что – опять разве можно?». И так далее, и тому подобное.

Как будто бы, всё правильно. Люди с благоговением относятся к великой святыне, считают необходимым должным образом подготовиться: помолиться, попоститься, прийти на службу накануне вечером. Всё это, с одной стороны, разумно и логично, а с другой – показывает, каково наше понимание литургии и евхаристии.

Если во главу угла ставится индивидуальная подготовка к причастию, если мы больше всего озабочены тем, чтобы быть «достойными» приобщиться, если каждый из прихожан составляет себе свой собственный график причащения – то это значит, что Тело Христово для нас – лишь средство личного освящения. Такое же средство, как, например, святая вода. Но это в корне неверно!

Если бы это было так, то мы бы могли круглый год служить литургию Преждеосвященных Даров – освятили бы их, скажем, в Великий Четверг, и весь следующий год причащались бы запасными дарами. Но в Церкви никогда такого не было.

Литургия – это, как пишут во всех учебниках, «общее дело». Евхаристия – это наше благодарение Богу за спасение, совершенное Сыном Божиим. Тело Христово – одно

из наименований Церкви. И поэтому причащаемся мы не только и столько для того, чтобы в индивидуальном порядке получить благодать, а для того, чтобы вновь и вновь возблагодарить Небесного Отца, чтобы явить единство Церкви, чтобы подтвердить свое членство в этом богочеловеческом Организме, чтобы исполнить заповедь Христову («если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» – Ин.6:53) и – да, конечно! – чтобы обожиться, стать богами по благодати.

Формулируя каноны, т. е. правила жизни в Церкви, отцы прошедших веков всегда имели в виду своего рода тождество Евхаристии и Церкви. Если человека отлучали от Церкви, он не мог более причащаться. Если на христианина налагалась епитимья, заключающаяся в запрете на причастие в течение какого-то времени, то, по сути дела, его членство в Церкви приостанавливалось.

До сих пор существует (и действует!) правило, согласно которому священник, совершающий литургию, должен, обязан причаститься – вне зависимости от того, что он думает о своем достоинстве или недостоинстве. В первые века бытия Церкви то же самое подразумевалось и относительно мирян.

Поэтому, дорогие братья и сестры, не будем отлучать себя от Церкви! Определим (самостоятельно или с духовником), какова должна быть наша посильная подготовка в причастию – и будем причащаться всякий раз, как мы бываем на литургии. А если у кого-то есть сомнения, можно ли и нужно ли ему причащаться в тот или иной день – не торопитесь пить с утра кофе и есть бутерброды с колбасой: приходите в храм, посоветуйтесь со священником – и, Бог даст, приступите со всеми верными к евхаристической Чаше.

Священник Феодор Людоговский